ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

ВАЛЕРИ ХАНСЕН

1000 год

КОГДА НАЧАЛАСЬ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Цивилизация и цивилизации

Валери Хансен

1000 год. Когда началась глобализация

«Издательство АСТ»

2020

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

Хансен В.

1000 год. Когда началась глобализация / В. Хансен — «Издательство АСТ», 2020 — (Цивилизация и цивилизации)

ISBN 978-5-17-121028-1

Когда началась глобализация? С каких пор торговля охватила все те места, где существовала человеческая цивилизация? Когда мир кардинально изменился? Валери Хансен утверждает, что это случилось в 1000 году. Именно тогда торговые пути охватили весь мир и позволили товарам, технологиям, религиям и людям перемещаться по свету, покидать насиженные места и отправляться в неизведанное. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-17-121028-1

© Хансен В., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог 6
Глава 1 11
Глава 2 22
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Валери Хансен
1000 год. Когда началась глобализация

Valerie Hansen
THE YEAR 1000: WHEN GLOBALIZATION BEGAN
Печатается с разрешения издательства Scribner, a division of Simon & Schuster, Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.
© Valerie Hansen, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022
Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Посвящается Джиму, который бывал везде и прочел все черновики

Пролог

Улица полным-полна покупателей, приобретающих жемчужные ожерелья со Шри-Ланки, африканские резные украшения из слоновой кости, духи с консервантами из Тибета и Сомали, поделки из балтийского янтаря и мебель, изготовленную из всех мыслимых пород ароматических деревьев. Воздух густо пропитан чужеродными благовониями. В магазине за углом торгуют дорогими высокотехнологичными товарами наряду с их же версиями, модифицированными для местных потребителей, – и куда дешевле. В зависимости от того, на какой день недели выпадает очередной праздник, в толпу покупателей вливаются также индуисты, мусульмане или буддисты. Позже, когда вы заглядываете на огонек к подруге, вас угощают прохладительным напитком с необычным ароматом и привкусом. А еще хозяева демонстрируют свои последние покупки: великолепный столик сандалового дерева с Явы и рог носорога с затейливой резьбой. Вообще многое в доме выглядит по-заграничному, что свидетельствует о космополитических вкусах вашей подруги.

Этот город, обладающий многочисленными связями с отдаленными местами, похож на великое множество современных мегаполисов, а между тем речь идет о китайском городе Цюаньчжоу в 1000 году. Расположенный на полпути от Шанхая к Гонконгу, на побережье прямо напротив Тайваня, Цюаньчжоу был тогда одним из крупнейших и самых богатых портов мира.

Все товары для продажи были в те дни вполне ходовыми. На протяжении многих столетий китайцы импортировали ароматную древесину вроде сандалового дерева из современной Индии и с Явы и ароматические древесные смолы, в том числе мирру и ладан, с Аравийского полуострова. Привозные благовония воскуряли для того, чтобы ароматизировать воздух, одежду пропаривали чужеземными ароматическими веществами, придавая ей приятный запах, а заморскими специями обильно сдабривали лекарства, напитки, супы и пироги.

Залогом импорта служила активная экспортная торговля, причем наиболее технологичным и востребованным китайским товаром была керамическая посуда высокотемпературного обжига. Конкуренцию здесь составляли дешевые гончарные изделия с Ближнего Востока, где научились имитировать глазурь, которая издалека напоминала яркую китайскую, но такую посуду не подвергали обжигу при столь же высокой температуре. С открытием новых маршрутов ремесленники, прежде поставлявшие свои товары исключительно соотечественникам, внезапно и неожиданно обнаружили, что им приходится конкурировать за долю рынка с производителями с другой стороны земного шара.

Год 1000-й ознаменовал собой начало глобализации. Именно тогда торговые пути охватили весь мир и позволили товарам, технологиям, религиям и людям перемещаться по свету, покидать насиженные места и отправляться в неизведанное. А последующие перемены оказались настолько значительными, что затронули и повседневную жизнь обычных людей.

В этом году – или настолько близко к этой дате, насколько можно судить по данным археологии, – викинги покинули свои дома в Скандинавии, пересекли Северную Атлантику и добрались до острова Ньюфаундленд у северо-восточного побережья Канады, то есть туда, куда прежде не добирался никто из европейцев. (Вообще никто не переселялся в Америку, Северную и Южную, после волны миграции из Сибири на западное побережье Америки более 10 000 лет назад.) Викинги сумели объединить существовавшие в Америке торговые пути с европейскими, азиатскими и африканскими, тем самым как бы присвоив себе ту огромную часть суши, которую принято называть Афро-Евразией[1]. Впервые в мировой истории какой-либо предмет или послание теперь могли путешествовать по всему освоенному миру.

[1] Авторский термин, восходящий к работам классика английской геополитики Х. Макиндера, который рассуждал об этом

В отличие от северян, другие ключевые игроки 1000 года – китайцы, индийцы и арабы – не были европейцами. Самый длинный регулярный морской маршрут связывал Китай с городами на побережьях Персидского залива – Оманом и Басрой, причем последняя была портом, ближайшим к Багдаду. Таким образом, маршрут из Персидского залива в Китай охватывал два пути паломничества: путь мусульман, направлявшихся из Китая в Мекку, и путь восточноафриканцев, тоже совершавших хадж. Как правило, торговые потоки шли с Аравийского полуострова в порты на юго-восточном побережье Китая, но некоторые товары продолжали движение к портам вдоль побережья Восточной Африки.

К агентам глобализации 1000 года можно причислить викингов Северной Европы, а также обитателей Северной и Южной Америки, Африки, Китая и Ближнего Востока. Обменивая свои изделия на товары, прежде никогда не виданные, все эти путешественники открывали новые сухопутные и морские маршруты, которые и положили начало подлинной глобализации. Новые пути, которыми шли торговцы и исследователи, обеспечили множественные контакты между различными царствами, королевствами и империями, а в результате товары, люди, идеи (и микробы) начали проникать в новые регионы. Так отдаленные части света впервые соприкоснулись друг с другом, следствием чего и является нынешний глобализированный мир.

Разумеется, население ряда древних государств – Рима, Индии и Китая – еще задолго до 1000 года было осведомлено о существовании других обществ. Хорошо документированный морской маршрут связывал Римскую империю с западным побережьем Южной Индии в первые столетия нашей эры, но постепенно эта торговля прекратилась. Зато сухопутный и морской Шелковый путь (точнее, сразу несколько путей), который сложился около 500 года нашей эры и заложил основу для прочных культурных и торговых связей между Индией, Китаем и странами Юго-Восточной Азии, по-прежнему использовался в 1000 году. Впрочем, эти две торговые сети, сколь угодно широкие и сложные, распространяли свою деятельность лишь на один регион планеты. А вот региональное расширение 1000 года затронуло уже весь земной шар.

Конечно, о глобализации в конкретном современном значении этого слова тогда говорить не приходилось. Обычные люди не имели возможности путешествовать практически куда угодно или приобретать в соседней с домом лавке товары едва ли не из любой страны мира.

Тем не менее перемены на рубеже 1000 года олицетворяли собой глобализацию в фундаментальнейшем смысле этого термина. То, что происходило где-то, непосредственно сказывалось на жителях других, сколь угодно отдаленных областей. Новые торговые пути, соединившие разные уголки земного шара, обеспечили постоянный переток товаров, людей и религий по планете. Насущный спрос на рабов в Константинополе (современный Стамбул), Багдаде, Каире и других городах привел к вынужденному перемещению миллионов людей из Африки, Восточной Европы и Центральной Азии – за сотни лет до начала трансатлантической работорговли.

Глобализация оказывала воздействие и на тех, кто никогда не покидал родного дома. Сразу после обращения правителя в новую веру – а так поступали многие государи на рубеже 1000 года – большинство его подданных тоже принимали эту религию. Обитатели материковой части Юго-Восточной Азии и близлежащих островов забрасывали свои традиционные занятия и трудились сутки напролет, удовлетворяя спрос китайских потребителей, равно богатых и бедных, на специи и ароматическую древесину. Чужеземные купцы уверенно и стремительно богатели за счет местных производителей, и неудивительно поэтому, что первые в мире антиглобалистские выступления и мятежи против нуворишей случались в таких городах, как Каир, Константинополь и Гуанчжоу.

суперконтиненте как о «Всемирном острове». Вообще следует отметить, что автор достаточно активно использует в данной работе геополитическую терминологию (см. ниже «хартленд» и др.). – *Здесь и далее примеч. пер.*

Археологические находки и записи периода около 1000 года не позволяют точно установить количество людей и объем товаров, перемещавшихся по всему миру в то время. Поэтому мы вынуждены уделять самое пристальное внимание прочим свидетельствам. Нам предстоит отслеживать путешествия товаров по различным торговым путям, предстоит оценить, какие люди и какая информация следовали за ними. Нас будут интересовать те, кто вел путевые дневники, а также те, кто записывал сведения, полученные от других, ведь эти записи – главнейший источник представлений о масштабной трансформации, произошедшей в мире после 1000 года.

Эти товарообмены 1000 года открыли ряд маршрутов, по которым товары и люди все еще путешествовали даже после того, как Колумб пересек Атлантику. Но мир 1000 года существенно отличался от мира 1492 года. Во-первых, путешественники, которые сталкивались друг с другом в 1000 году, технологически были намного ближе один к другому – в отличие от ситуации 1492 года, когда огнестрельное оружие и пушки фактически гарантировали европейцам триумф почти над всеми иными народами.

Кроме того, основные игроки рубежа 1000 года чувствовали себя по-разному. Некоторые регионы мира, например, Китай и Ближний Восток, процветали, тогда как прочие, в особенности Европа, значительно отставали в развитии. Как ни парадоксально, мир 1000 года больше походил на наш современный мир, в котором китайцы, арабы и американцы выступают непримиримыми соперниками европейцев.

События, приведенные в движение 1000 годом, явились важной вехой эволюции человечества, но их последствия разнообразны – имеются как благие, так и скверные. Распространение торговых путей обернулось одновременно, выражаясь образно, оплодотворением и заражением, интеллектуальным обогащением и культурной раздробленностью, внедрением новых технологий и исчезновением традиционных занятий. Новые торговые пути способствовали объединению народов – и провоцировали конфликты. Они открывали перед людьми возможности, о которых прежде никто не задумывался, и обрекали на подчинение тех, кто не обладал должной силой, чтобы противостоять навязанному господству.

До сих пор перечисленные события не считались «глобализацией», и данная книга – первая ласточка в этом отношении. Глобализация всегда порождает победителей и побежденных, и нечто похожее мы наблюдаем и в 1000 году, когда мир кардинально изменился. Последствия тех событий ощущаются по сей день, и необходимо попытаться понять долгосрочные перспективы сложившегося мироустройства.

На первый взгляд история кажется ужасно знакомой, но, стоит нам вернуться в 1000 год, сразу становится ясно, сколь решительно отличалась обстановка тех лет от нынешней. Прежде всего индустриализация еще не произошла. Не было ни энергии пара, ни электричества. Источниками энергии служили люди, животные, вода и ветер.

Политические единицы тоже отличались: военные отряды, племена, царства и королевства, империи… Никакое национальное государство не могло заставить всех без исключения граждан служить в армии и платить налоги (эти практики сформировались лишь в девятнадцатом столетии[2]).

В этой книге объясняется, кто создавал торговые сети в ведущих регионах мира и как эти сети сделались взаимосвязанными. Народы, проживавшие в разных уголках мира, налаживали контакты друг с другом на рубеже 1000 года и закладывали тем самым основу для следующего этапа глобализации – в 1500-х годах, когда европейцы перекроили существующие торговые сети во имя удовлетворения собственных интересов. Но европейцы отнюдь не изобрели глобализацию. Они изменили и дополнили то, что уже присутствовало. Не начнись глобализация

[2] Национальные государства (*англ.* nation state) в строгом понимании этого определения начали формироваться в Европе после Вестфальского мира, то есть в XVIII столетии.

ранее, европейцы попросту не сумели бы так быстро проникнуть во многие регионы земного шара.

Глобализация всегда была чревата опасностями: едва осознав, что они не одиноки на этой планете, люди столкнулись с новыми угрозами своему существованию. Народы, первыми подвергшиеся глобализации, должны были выработать некую стратегию – и разрабатывали ее с разных точек зрения.

При встрече с незнакомыми народами, как это случалось по всему миру около 1000 года, индивиды (торговцы и исследователи) непременно оценивали риски: как отреагируют чужаки? Убьют ли незваных гостей? Или всего лишь пленят? Еще приходилось оценивать собственное положение: если начнется драка, кто победит? У кого лучше технологии? А если неведомый народ умеет читать и писать? В итоге упомянутым индивидам выпадало принимать обоснованные решения о дальнейших действиях. Эти решения многому могут научить нас.

Разумеется, отдельные реакции были поспешными и плохо продуманными: например, викинги вырезали аборигенов во сне, не желая обмениваться с ними ни единым словом.

В иных случаях столкновения происходили спонтанно, а поведение сторон выглядело, честно сказать, странноватым. Когда американские индейцы напали на поселение викингов и вожди северян приказали отступать, одна беременная северянка сурового нрава по имени Фрейдис не смогла догнать своих товарищей-мужчин. Оставшись в одиночестве, она поняла, что напротив нее стоит группа местных воинов. Тогда она обнажила грудь из-под рубахи и «шлепнула» по груди мечом. Пораженные индейцы (скрелинги) немедленно разбежались, если верить тому, что говорится в саге[3].

Лишь немногие встречи на рубеже 1000 года оказывались позитивными: редкие смельчаки дерзали подавить собственные страхи и вступить в контакт с народами, которых никогда раньше не встречали. Так устанавливались торговые отношения.

Часто в местностях со скудными природными ресурсами все сводилось к тому, что тамошнее население начинали вывозить в рабство. При этом на карте не найти какого-то одного места, которое служило бы основным поставщиком даровой рабочей силы. Богатейшие городские центры импортировали рабов из более бедных регионов, где практически не имелось товаров на экспорт, не считая человеческого труда: речь о Западной и Восточной Африке, Центральной Азии, Северной и Восточной Европе. (Кстати, из Восточной Европы вывезли столько рабов, что само слово «раб» в английском языке происходит от слова «славянин»[4].)

Люди, которым нечем было торговать, порой становились успешными посредниками. Они сыграли решающую роль в прокладывании новых торговых путей. Как ни странно, представители слаборазвитых в технологическом отношении социумов иногда превосходили тех, кто принадлежал к более совершенным обществам, – потому что легче и быстрее усваивали новые способы производства и торговли.

Одним из скорейших способов развития собственного окружения было обращение в религию, которую исповедовали более развитые общества, причем подобное решение далеко не всегда опиралось на сугубо религиозные убеждения. Один правитель на территории современной Украины (киевский великий князь Владимир) пожелал укрепить свою власть и стал изучать религиозные образцы ближайших соседей. Как и многие прочие монархи, он в конце концов выбрал одну религию – восточное православие, что подарило ему отличный шанс на консолидацию власти и заключение союзов с могущественными единоверцами. Основным источником информации для князя Владимира выступали донесения доверенных лиц, отправ-

[3] Имеется в виду «Сага об Эйрике». Фрейдис – дочь знаменитого мореплавателя Эйрика Рыжего.

[4] Английское слово «slave» действительно происходит от средневекового латинского «sclavus», которое, в свою очередь, обозначало плененного славянина, обращенного в рабство.

ленных посланниками к чужеземным правителям. По сути, это были шпионы, и они возвращались домой с подробными рассказами о жизни соседей.

Владимир выбрал христианство из очень короткого списка. Он взвесил все «за» и «против» иудаизма, ислама, римского христианства и восточного православия. Он отверг иудаизм, поскольку евреи лишились Иерусалима. Он вычеркнул ислам, поскольку эта вера запрещала употреблять спиртное. Римское христианство он отверг без объяснения причин. Зато выбрал восточное православие, ибо великолепный собор Святой Софии в Константинополе представлял собой технологическое чудо, столь же поразительное для тех дней, как современные небоскребы сегодня[5].

Пока прочие лидеры тоже подбирали веру для своих владений непосредственно накануне 1000 года и сразу после этой даты, число мировых религий сокращалось. Одна такая религия, манихейство, популярная в регионе, ныне известном как Иран, и утверждавшая непрекращающуюся борьбу добра и зла, сгинула полностью, потому что не могла конкурировать с другими, более распространенными, религиями и добиться аналогичного покровительства[6].

После 1000 года не возникло ни одной новой крупной религии, не считая сикхизма, бахаизма и мормонства, а также нескольких других. Практически все «новые» вероисповедания представляли собой «ремиксы», комбинации различных элементов религий, уже прочно утвердившихся в мире к 1000 году.

Другие правители тоже принимали решения, подобные выбору князя Владимира, который предпочел православие. В результате примерно в 1000 году в мире резко выросло число верующих, которые выражали верность крупнейшим религиям. Северная и Восточная Европа сделались христианскими, сфера влияния ислама распространилась на восток, в Центральную Азию, и на юг, в северную Индию, а буддизм и индуизм покорили Юго-Восточную Азию. Мы живем в мире, сформированном взаимодействиями рубежа 1000 года: сегодня девяносто два процента верующих придерживаются какой-либо из четырех религий, подчинивших себе мир к 1000 году.

Действительно, в мире, сформированном событиями 1000 года, мы сталкиваемся с теми же самыми вызовами, которые тогда встали перед народами планеты впервые: должны ли мы сотрудничать с нашими соседями, торговать с ними, позволить им селиться в наших границах и предоставить свободу вероисповедания внутри нашего общества? Или нужно всемерно их отчуждать? Должны ли мы возмущаться теми, кто богатеет на торговле? Следует ли производить новые товары, которые копируют технологии, нами пока не освоенные? Наконец, что такое глобализация? Она позволит нам лучше узнать самих себя или разрушит нашу идентичность?

Цель данной книги состоит в том, чтобы ответить на эти вопросы.

---

[5] Разумеется, в своем выборе князь руководствовался не столько архитектурными красотами, сколько политическими соображениями, которые автор достаточно подробно раскрывает в главе 4.

[6] Манихейство представляло собой систему гностических воззрений с элементами зороастризма и буддизма, что дает основания ученым причислять его не к мировым религиям, а к «мировой ереси». Манихеи подвергались преследованиям и в христианском Риме, и в зороастрийском Иране, вследствие чего многие бежали в Центральную Азию, где в VIII веке манихейство даже стало на короткий срок государственной религией уйгурского каганата. Разрозненные общины манихеев существовали на территории Туркестана и Китая вплоть до XIV столетия.

Глава 1
Мир в 1000 году: краткий обзор

Как ни странно, ни одна новая технология не привела к взрыву межрегиональных путешествий на рубеже 1000 года. Как и в прежние времена, люди передвигались в основном по суше, пешком или верхом на животных, а также в повозках, или перемещались по воде в каноэ, парусных лодках и деревянных кораблях. Торговля между различными регионами к 1000 году выросла потому, что избыток сельскохозяйственной продукции привел к росту населения и позволил части крестьян полностью отказаться от труда на земле, заняться производством товаров на продажу и сделаться торговцами.

Самым многочисленным в мире населением в 1000 году, как и сейчас, мог похвастаться Китай, численность населения которого достигала почти 100 миллионов человек. На протяжении всей истории человечества китайцы составляли от четверти до трети людей, обитающих на планете. Китайская экономика расцвела в правление династии Сун (960–1276[7]), а купцы и корабли Поднебесной отправлялись в Юго-Восточную Азию и Южную Индию, где обильно выращивали рис, что тоже способствовало росту населения.

В зерновых районах Ближнего Востока и Европы население было не столь многочисленным, как в Азии, но все равно его численность была довольно высокой. А империя Аббасидов с 751-го по приблизительно 900 год контролировала обширную территорию – от Северной Африки на западе до Центральной Азии на востоке.

Объединение под властью Аббасидов оказалось полезным для распространения многих зерновых культур по всей империи. Некоторые сорта, такие как сорго, были родом из Западной Африки; другие – как рис, пришли из Индии. Выращивание тропических растений из Ирана и Индии трансформировало образ жизни всей империи: крестьяне теперь трудились все лето напролет, а не только ограниченное число дней, как раньше. Это изменение обеспечило устойчивое процветание исламского хартленда[8] в первые годы существования Аббасидского халифата.

Однако после 900 года империя раскололась на региональные владения, во главе каждого из которых встал свой военный лидер. Халиф в Багдаде оставался номинальным владыкой исламской общины (мусульмане продолжали упоминать его в пятничных молитвах по всей территории бывшего государства Аббасидов), но империя больше не была единой. Тем не менее население бывших земель Аббасидов продолжало увеличиваться и достигло примерно 35–40 миллионов человек в 1000 году.

Численность населения Западной Европы также прирастала по мере того, как обитатели континента перенимали важнейшие новшества в сельском хозяйстве – по выражению британского историка Р А. Мура, происходила «зерновизация». Все больше и больше земель отводилось под посадки пшеницы и ячменя. В Северной Франции и Англии крестьяне осознали (впервые), что посев одной и той же культуры год за годом снижает плодородие конкретного поля, а потому от трети до половины пахотных земель теперь давали отдых.

Вдобавок после 1000 года крестьяне принялись чередовать посевы. Чаще всего высаживали последовательно репу, клевер и зерно, что помогало сохранить питательные вещества в почве и ее качество. Эта практика, столь важная для повышения урожайности в сельском

---

[7] Так у автора – очевидно, из тех соображений, что к 1276 г. большая часть владений династии Сун оказалась под контролем монголов. Но обычно указывается 1279 г., когда монголы окончательно разбили сунские силы и потопили флот.

[8] В классической геополитике (Х. Макиндер, К. Хаусхофер) хартленд – «ключевая» географическая область Евразии, «внутреннее» жизненное пространство материка. В расширенном значении это важнейшая (с экономической, ресурсной и политической точек зрения) внутренняя часть любого государства, его «ядро».

хозяйстве, распространялась очень медленно (а вот в Китае к тому времени она была очень хорошо известна). При этом применялись и иные новшества для повышения производительности труда – конные плуги, водяные мельницы, ветряные мельницы и железные инструменты, которые взрезали почву глубже, нежели деревянные. До «зерновизации» большая часть территорий Западной Европы не возделывалась на регулярной основе, а после этой революции многое изменилось.

Помимо увеличения численности населения, эти изменения способствовали увеличению числа оседлых общин в Европе. До широкого распространения зерновых многие крестьяне Западной Европы вели кочевой образ жизни, перемещались с места на место, обрабатывая землю и разводя скот. Так продолжали поступать крестьяне Скандинавии и Восточной Европы, которые следовали за стадами свиней, коз, овец, крупного рогатого скота и лошадей. Но во Франции, Англии и Германии, а затем и в Восточной и Северной Европе местные жители начали возводить дома и создавать деревни – благодаря севообороту и другим сельскохозяйственным достижениям.

Население Европы увеличилось почти вдвое: в 1000 году оно насчитывало менее 40 миллионов человек, а к 1340 году выросло до 75 миллионов человек (правда, в 1348 году пришла легендарная Черная смерть). Это увеличение численности населения совпало по времени с периодом так называемого средневекового потепления, который начался в 1000 году, достиг пика около 1100 года и закончился к 1400 году. Поскольку климатологи еще не определились с выводами относительно того, затронуло ли это потепление весь мир, сегодня принято говорить о средневековой климатической аномалии. Предварительные исследования показывают, что, как и сегодня, в Европе и Китае наблюдалось повышение температур, а в других областях планеты похолодало.

Распределение людей по Европе тоже изменилось. Население Южной и Восточной Европы – Италии, Испании и Балкан – увеличилось на 50 процентов. Но вследствие улучшения методов ведения сельского хозяйства рост населения в Западной и Северной Европе – современные Франция и Германия – был намного выше: там численность населения выросла втрое, то есть почти половина населения континента к 1340 году проживала в Северной и Западной Европе.

Китайская миграция населения напоминала европейскую, но шла в противоположном направлении: китайцы переселялись к югу от реки Янцзы, в районы произрастания риса, тогда как европейцы двигались на север, прочь от Средиземного моря, в сторону моря Северного. В 742 году 60 процентов 60-миллионного китайского населения проживало в Северном Китае, где выращивали пшеницу и просо; к 980 году 62 процента населения очутилось в Южном Китае, где выращивали рис, гораздо более плодовитую культуру, чем северные зерновые.

В отличие от китайского императора, в Европе не нашлось монарха, который правил бы континентом в 1000 году. В Восточной Европе наиболее могущественным государством была Византийская империя, но ее власть быстро ослабевала. Хотя войско хирело на глазах, из-за чего византийский император постепенно впадал в зависимость от наемников или чужеземных сил, Константинополь (современный Стамбул) считался передовым городом Европы. Когда сюда прибывали западные европейцы, они отказывались верить в подлинность набережных и великолепие архитектурных сооружений, прежде всего величественного собора Святой Софии.

В Западной Европе Карл Великий (742–804) объединил современные Францию и Германию, но после его смерти королевство распалось на три части. В 900-х годах король Германии Оттон I, его сын Оттон II и внук Оттон III – все вместе они известны как Оттониды – являлись самыми влиятельными правителями Западной Европы. Оттон контролировал территорию Германии и Рима, но отнюдь не весь Апеннинский полуостров, большая часть которого принадлежала Византийской империи. При этом могущество Оттона позволяло ему назначать

пап. В свою очередь, в 962 году папа короновал Оттона в императоры Священной Римской империи, а сын и внук короля также удостоились этой чести.

Оттон III поставил во главе Римской католической церкви папу Сильвестра II (999–1003), одного из образованнейших людей своего времени. Папа даже умел выполнять несложные алгебраические вычисления – эту математическую технику европейцы позаимствовали у исламского мира (слово «алгебра» первоначально представляло собой арабское слово «альгабр», означавшее операции с обеими частями уравнения, необходимыми для обеспечения их тождества).

Год 1000-й пришелся на время пребывания Сильвестра II у власти, но этот год мало что значил для европейцев, поскольку лишь немногие люди в ту пору пользовались календарем, где годы подсчитывались от Рождества Христова. Такие календари существовали с 500-х годов, но система датировки развивалась медленно и получила официальное признание церкви только в 1500 году. Большинство людей отсчитывало хронологию по правлению своего монарха или папы, а потому, например, год 1000-й мог именоваться вторым годом правления Сильвестра.

Немногие христиане верили, что второе пришествие Христа случится в 1000 году. Конечно, странствующие проповедники и церковные реформаторы именовали себя мессиями и предрекали скорый конец света, но эти народные восстания на религиозной почве происходили в другие столетия, ни одно из них не вспыхнуло около 1000 года.

Среди всех аграрных империй, существовавших на рубеже 1000 года, меньше всего ученым известно об империи майя в Мезоамерике. Считается, что уже до 600 года майя широко применяли ирригацию для выращивания зерна, причем располагали поля уступами на горных склонах в местах своего обитания – на территории современных Мексики, Белиза, Гватемалы, Сальвадора и Гондураса. Майя достигли пика развития приблизительно в 700 году, когда их общая численность выражалась миллионами человек. (По оценке, сделанной в 2018 году, – от 10 до 15 миллионов человек.) Город Майя Тикаль, в современной Гватемале, одно из крупнейших поселений в промежутке с 600 по 800 год, насчитывал до 60 000 жителей. В конце 700-х годов многочисленные города майя опустели и были заброшены – то ли, возможно, окрестные земли оскудели из-за чрезмерно активного земледелия, то ли как-то изменилась окружающая среда. После 830 года новое строительство почти не велось. Между 1000 и 1100 годами случилась продолжительная засуха, обернувшаяся резким сокращением населения и массовой миграцией на север полуострова Юкатан, где возник новый город Чичен-Ица.

Хотя письменные записи майя обрываются еще до 1000 года (последняя надпись на каменном монументе датируется 910 годом), в Чичен-Ице майя сумели возродить свою былую славу, расширили свои торговые контакты на север до долины Миссисипи и области Четырех углов (где сходятся границы американских штатов Колорадо, Нью-Мексико, Аризона и Юта) и на юг до Панамы и Колумбии. В мегаполисе Чичен-Ица обнаружена крупнейшая майянская площадка для игры в мяч, а также передовая для того времени астрономическая обсерватория. Город настолько поражал воображение в 1000 году, что многие соседние правители отправляли ко двору майя посланников с обилием даров.

Какова была общая численность мирового населения в 1000 году? По приблизительной оценке, она составляла около 250 миллионов человек. Мы знаем многое об обществах, где применяли переписи (например, о Китае), но мало что можем сказать об обществах, где учета не велось; но известно, что в обществах, которые практиковали сельское хозяйство, население было куда многочисленнее, чем в кочевых скотоводческих общинах. Азия, «родной дом» Китая, Японии, Индии и Индонезии, то есть основных производителей риса, обеспечивала львиную долю мирового населения (свыше 50 процентов, до 150 миллионов человек); второе место занимала Европа с ее почти 20 процентами. Быть может, еще 20 процентов давала Африка, и 10 процентов или меньше приходилось на долю Северной и Южной Америки (население Океании никогда не достигало и 1 процента от общей численности людей на планете).

По всему миру там, где сельскохозяйственное производство возрастало в объемах, а численность населения увеличивалась, люди все чаще бросали заниматься сельским хозяйством и поселялись в городах. Европейские города в промежутке с 1000 по 1348 год не могли считаться крупнейшими на планете: в Париже, одном из главных центров Европы, насчитывалось от 20 000 до 30 000 жителей – сущий пустяк в сравнении с 450 000 жителей мусульманской Кордовы, не говоря уже о сунских столицах Кайфэн (Кайфын) и Ханчжоу, где проживало как минимум по миллиону человек.

По мере роста городов прибывало число предприимчивых торговцев. Необычные предметы, которые они добывали в дальних странах, возбуждали желание отыскать еще что-то новенькое. Торговали обычно тем, что можно было унести в руках – перьями, мехами, красивыми яркими тканями и лекарствами. Драгоценные металлы, впрочем, были здесь важным исключением, и люди соглашались привозить их издалека.

В этих же обществах излишки сельскохозяйственного производства также позволяли содержать многочисленную грамотную бюрократию. В каждом обществе имелась своя письменность. Наибольшее количество сведений о мире на рубеже 1000 года получено из источников на латыни, древнеисландском, греческом, арабском, персидском, китайском языках и санскрите. Благодаря письменным свидетельствам мы знаем довольно много о людях из этих «центральных» обществ и об их ближайших соседях, но нам мало что известно о тех уголках, куда письменность не пробралась.

В данной книге обходятся вниманием изолированные общества, от которых не сохранилось письменных хроник или которые не вели торговли с соседними регионами. Это в первую очередь Австралия, отдельные африканские страны к югу от Сахары и ряд областей Северной и Южной Америк. Кое-где в этих краях люди занимались охотой и собирательством, изредка отвлекаясь на сельское хозяйство. Они сажали семена по весне и возвращались на поля по осени, чтобы собрать урожай, но не ухаживали за посадками летом. В последние годы некоторые ученые выдвинули гипотезу, будто жизнь охотников и собирателей была намного проще и лучше жизни крестьянина, растившего зерновые на полях. Возможно, так действительно и было. Однако охотники и собиратели не накапливали излишков, достаточных для прокорма населения при значительном приросте. Да и письменность у них не возникла, из чего следует, что мы знаем о них мало, помимо сведений, которые способна преподнести археология. Многие ученые полагают, что письменность появилась именно в крупных аграрных империях, поскольку правителям требовалось вести учет подданных и фиксировать уплату налогов[9].

Впрочем, области, редко контактировавшие с чужаками, были вовсе не на одно лицо. Западноафриканский город Дженне-Джено заставил ученых пересмотреть бытовавшее ранее убеждение, будто города строили только оседлые аграрные общества. Обитатели этого поселения были скотоводами, кочевали со своими стадами большую часть года, но сезон дождей проводили в Дженне-Джено, и тогда население города достигало 20 000 человек. В ходе раскопок обнаружены колоссальные залежи битой глиняной посуды (глубина слоя – 26 футов, или 8 м), которые датируются 300 годом до нашей эры; то есть поселение было по-настоящему крупным. Любопытно, что единственные записи о Дженне-Джено оставили чужаки, начавшие посещать город около 1000 года.

Аналогичные крупные поселения, безусловно, существовали и в менее изученных уголках, но о них нам известно лишь по археологическим раскопкам. Нередко, особенно в Америках и Африке к югу от Сахары, приходится полагаться исключительно на археологию.

---

[9] Не совсем корректно отождествлять письменность с системой счета: зарубки-«палочки» на дереве или камне вряд ли можно сопоставлять с повествовательными клинописными или иероглифическими, допустим, текстами. Хотя, конечно, именно такие зарубки являлись первым этапом в эволюции письменности. К слову, и утверждение относительно аграрных империй как «источников» письменности видится не слишком корректным: палочки гонцов в Австралии, индейские вампумы, древнегерманские бирки – все это примеры ранней письменности из регионов, где аграрных империй не было.

Евразийские авторы на рубеже 1000 года жили в мире, который сильно отличался от привычного нам, тщательно и детально исследованного и картированного. Они интересовались отдаленными местами и записывали всяческие слухи о территориях на краю известного мира. Классические авторы, писавшие на китайском, греческом и латыни, все описывали человекоподобных существ, якобы населяющих дальние края. Многие более поздние авторы упоминали загадочных безголовых существ, людей без рук и ног и прочие странности. Первые путешественники на рубеже 1000 года обладали минимальными знаниями о своих соседях, зато, судя по всему, были наделены несокрушимым бесстрашием.

Арабские источники содержат наиболее подробные сведения о местных жителях, товарах для торговли, маршрутах и обычаях многих ранних обществ Афро-Евразии. Персидский чиновник почтово-разведывательной службы в империи Аббасидов по имени Ибн Хордадбех [10] (820–911) составил первый географический справочник по странам, лежащим вдоль различных торговых путей, и перечислил товары, этими странами производимые. Свое сочинение он вполне уместно назвал «Книга путей и стран». Последующие географы, писавшие на арабском и персидском языках, использовали то же название для собственных наблюдений относительно чужих стран, и эти наблюдения чрезвычайно важны для понимания мироустройства 1000 года. У китайцев тоже издавна существовала традиция описывать отдаленные места, и в их сочинениях найдется немало полезной информации.

Для того, чтобы судить о достоверности этих описаний, лучше и надежнее всего сравнивать между собой все доступные источники и на основании этого сравнения решать, правдивы ли они и насколько.

Такой подход позволяет, кстати, оценить правдоподобность ряда утверждений, из которых следует, что какие-то ранние путешественники добрались из Старого Света до Америки раньше Колумба. Некоторые свидетельства на сей счет явно заслуживают доверия, а потому признаны большинством ученых; другие же, совершенно необоснованные, ожидаемо встречаются скептически. Например, викинги в самом деле плавали к Ньюфаундленду, тогда как теория, что китайцы опередили Колумба в открытии Америки, представляет собой умозрительную спекуляцию.

Но эта идея китайского приоритета для ряда ученых выглядит одновременно привлекательной и интригующей. А что, если и вправду так было? Ведь доказано, что флот китайского адмирала Чжэн Хэ посещал Юго-Восточную Азию, ходил в Индию, к Аравийскому полуострову и побережью Восточной Африки в 1400-х годах.

Тем не менее нет свидетельств того, что флот адмирала Чжэн Хэ огибал мыс Доброй Надежды, достигал берегов Америки и Австралии или побывал на Северном и Южном полюсах – вопреки предположениям Гэвина Мензиса[11] в его книге «1421 год». Эта книга стала подлинным бестселлером, обойдя по тиражности все остальные книги по истории Китая, но ни один серьезный китаист не согласится с теориями Мензиса. Более того, эта книга грешит таким количеством ошибок и натяжек, что один выдающийся австралийский специалист по истории династии Мин подал в суд на издателей, которые рекламировали работу Мензиса как научно-популярную.

Путешественники-мусульмане тоже якобы открыли Америку раньше Колумба, о чем заявил президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган в речи 2014 года. Доказательства? Пожалуйста – Христофор Колумб упомянул в дневнике, что побывал в мечети на Кубе. На самом деле

---

[10] Сын правителя провинции Табаристан, Ибн Хордадбех возглавлял почтовую службу области Джабал (Северо-Западный Иран), а впоследствии сделался начальником почты всего халифата.

[11] Британский моряк, географ и историк-любитель, печально известный в профессиональной среде своими псевдоисторическими теориями о достижениях китайской цивилизации (открытие Америки, первое кругосветное плавание, стимулирование европейского Возрождения) и существовании «цивилизации атлантов» на пространстве от атлантического побережья Америки до Индии.

Колумб в дневнике записал: «И на одной из гор, на вершине, имеется холмик, похожий на красивую мечеть»[12]. То есть Колумб характеризовал холм, а не посещал мечеть.

Один профессиональный историк выдвинул столь же вопиющую гипотезу по поводу аль-Бируни, блестящего ученого из Средней Азии, родившегося в 973 году и умершего после 1040 года. Аль-Бируни прославился исследованиями в области календаря, астрономии, географии, а также описанием Индии. Утверждая, что «Бируни открыл Америку», Фредерик Старр обосновывает: мол, аль-Бируни догадывался о наличии континента на противоположной стороне земного шара от Афро-Евразии. Мягко говоря, это неверно.

Аль-Бируни не знал о существовании Америки. Он просто-напросто признавал, что земля круглая – это знание арабские ученые переняли от древних греков. Аль-Бируни сознавал, что люди населяют лишь небольшую часть земной поверхности. На Северном полюсе слишком холодно для жизни, а к югу от экватора слишком жарко. Поэтому он подозревал, что на противоположной стороне земного шара, совершенно неизвестной обитателям Афро-Евразии, в основном простирается океан, но, будучи честен перед собой и перед наукой, не исключал возможности наличия там какой-то суши. Отсюда отнюдь не вытекает, что аль-Бируни открыл некий новый материк, уж тем более Америку.

Если не принимать в расчет аль-Бируни и других ведущих ученых исламского мира, лишь немногие люди на рубеже 1000 года мыслили в масштабах земного шара как такового. Самая подробная карта мира, где изображалась большая часть Афро-Евразии, но где отсутствовала Америка, была составлена в 1154 году аль-Идриси, картографом с итальянской Сицилии, которая в ту пору являлась одним из мусульманских «окон» в Европу. Трудясь при дворе короля Рожера II, аль-Идриси, уроженец марокканской Сеуты, нанес свою карту на серебряный диск диаметром более двух ярдов (2 м) и сопроводил ее обширным списком координат (широты и долготы) всех обозначенных мест. Неудивительно, что исходная карта была уничтожена (вероятно, ее расплавили, ведь серебро высоко ценилось), однако список местностей с краткими описаниями и координатами уцелел, и позднейшие картографы охотно пользовались плодами изысканий аль-Идриси.

Приблизительно с 1000 года европейцы стали изучать арабский язык и переводить арабские тексты, благодаря чему Европа принялась пополнять свой багаж знаний при посредстве исламского мира. Геометрию Евклида перевели заново с арабского перевода оригинального древнегреческого текста, а Фибоначчи ввел в обиход арабские цифры (которые были намного удобнее римских).

Трансляция знания не ограничивалась интеллектуальной сферой. Европейцы также научились играть в новые игры. Шахматы, придуманные около 600 года в Индии, распространились по всему исламскому миру и стали популярными в Европе ближе к 1000 году. Эта игра обучала основам военной стратегии; игроки на практике познавали, что атаковать мудрее несколькими пехотинцами (пешками), а не одной. По мере проникновения шахмат в Европу некоторые фигуры приобретали новую идентичность; так, слоны сделались епископами, поскольку ремесленники ошибочно приняли бивни на исходных фигурах за навершия епископской митры. Какие-то фигуры вырезались из слоновой кости, но гораздо чаще для этой цели применяли моржовую кость, которую активно поставляли в Европу в ту пору, когда викинги усердно осваивали Северную Атлантику.

Современные путешественники, привыкшие к самолетам, поездам, автомобилям и кораблям, обыкновенно склонны преувеличивать трудности, выпадавшие на долю их предшественников, особенно в отдаленные времена. Мы гадаем, как люди ухитрялись преодолевать тысячи миль пешком, но забываем, что большинству из нас вполне по силам ходить по двадцать миль (32 км) в день много дней подряд. В 1000 году люди не чурались ходить пешком

[12] *Лас Касас Б де.* Дневник первого путешествия Христофора Колумба. М.: Географгиз, 1956. Перевод Я. Света.

– некий посланец прошел на своих двоих более 2500 миль, или 4000 км (это случилось в промежутке между 1024 и 1026 годами).

Историк, описавший это долгое пешее путешествие, не уточняет, как посланец справлялся, но можно предположить, что он, подобно большинству путешественников той поры, упомянутых в данной книге, привлекал себе на помощь местных проводников, неважно, гористой или равнинной была местность. К слову, в 1990-х годах сельские жители помогли одной полевой экспедиции преодолеть сложный участок в Гималаях, показав сразу несколько троп, о которых ученые и не подозревали. В зависимости от времени года и от количества снега эти тропы подразумевали различные уровни сложности. Нашлась даже пологая тропа, подходящая для беременных женщин.

Что касается скорости перемещений пешком, эти сведения можно почерпнуть из разных источников. Если курьерам предстояло одолеть конкретный отрезок цельного маршрута и при этом не требовалось доставлять что-то тяжелое, скорость перемещения могла достигать поистине невероятных значений – до 150 миль (240 км) за сутки, если верить сообщениям испанцев об инках в начале 1500-х годов.

Конечно, солдаты, с оружием и провиантом, передвигались куда медленнее. Скорость передвижения древних воинств, в том числе персидского правителя Ксеркса, Александра Македонского и Ганнибала – это же относится и ко временам правления английской королевы Елизаветы I – варьировалась в пределах от 10 до 20 миль (от 16 до 32 км) в сутки. А сегодня устав армии США устанавливает типовой промежуток перемещения в 20 миль в сутки. Движение быстрее квалифицируется как вынужденная мера.

Всадники на лошадях, конечно, движутся резвее: так, современный ездок в Монголии способен покрыть 300 миль за сутки, часто меняя животных, а в старину монгольские воины были в состоянии поддерживать скорость перемещения 60 миль (100 км) в сутки на протяжении нескольких дней, если того требовал ход кампании.

Хорошие дороги также значительно увеличивают скорость перемещения по суше. В 1000 году в наличии были различные типы дорог. В наиболее развитых обществах, как в Китае, грунтовые дороги с мостами через реки были вполне привычными, и препятствий движению почти не возникало. В других обществах дорог было мало, и путешественникам приходилось торить собственные пути.

Условия сухопутных путешествий нередко определяли дальность транспортировки грузов. На рубеже 1000 года жители каньона Чако в Аризоне регулярно доставляли кукурузу с расстояния 90 миль (150 км), а время от времени тянули длинные древесные стволы с расстояния в 170 миль (275 км) – в самом Чако деревья не росли. Более того, они уходили еще дальше от дома ради предметов роскоши, например перьев ара.

Надо учитывать, что в 1000 году расстояния по суше не были абсолютными. Температура, характер местности и наличие препятствий часто ускоряли или замедляли перемещение.

То же самое можно сказать о плавании на лодках по реке и по морю. Скорость передвижения варьировалась, и, что удивительно, под парусом или на веслах, как правило, получалось не быстрее, чем по суше. При этом, разумеется, сидеть в лодке проще, чем идти пешком.

Корабли викингов славились своей гибкой, легкой конструкцией, скоростью хода и способностью пересекать мелководье. Современные реплики достигают максимальной скорости 17 миль в час (27 км/ч), но такую скорость трудно поддерживать в течение сколько-нибудь длительного периода времени. Значительно более медленные полинезийские двойные каноэ, оснащенные треугольными парусами, развивали скорость примерно вдвое меньше при обычном ветре. Даже сегодня умело построенные традиционные парусники идут в среднем на скорости 10 миль в час (16 км/ч), а участники Кубка Америки[13] развивают скорость впятеро выше.

[13] Одна из наиболее известных и престижных мировых регат, проводится с 1851 года в формате матчевых гонок, старейшее

Весельные лодки и каноэ заметно отстают от этих показателей: для них типична скорость около 7 миль в час (11 км/ч). Трудно грести быстрее, не напрягая всех сил, зато гребные лодки способны двигаться в любом направлении, тогда как парусники не умеют ходить прямо навстречу ветру. Весла имели решающее значение для успеха викингов. Те ходили под парусом вдоль побережья, потом подгребали на веслах ближе к берегу, высаживались, совершали набег и преспокойно удалялись, какой бы ветер ни задувал.

Океанские течения, как и в наши дни, задавали курсы морских путешествий в 1000 году. Корабли передвигались быстрее, если ловили регулярные поверхностные течения, так называемые вихри, которые возникают из комбинации условий – направления и силы ветра, гравитации, нагрева поверхности воды и скорости вращения Земли. В Северном полушарии – то есть в Северной Атлантике и в северной части Тихого океана – вихри движутся по часовой стрелке, а в Южном полушарии – наоборот.

Из-за направленности североатлантического вихря пересекать Северную Атлантику в сторону Канады было куда труднее, нежели возвращаться обратно. Держась побережья, викинги по медленному и холодному Гренландскому течению отправлялись в Исландию и Гренландию, а там ловили Лабрадорское течение до Канады. Плавание таило в себе немалые опасности. Гренландское течение встречается с гораздо более теплым Гольфстримом у мыса Фарвель[14], южной оконечности Гренландии, а потому там постоянно висит туман, да и ветер нередко сбивал корабли с намеченного курса.

Вероятно, именно это произошло с викингом по имени Бьярни Херьольвссон в 985 или 986 году, когда он отправился из Исландии в Гренландию, где надеялся разыскать своего отца, который только что перебрался в новое поселение, основанное Эйриком Рыжим.

Бьярни и его люди плыли из Исландии в Гренландию три дня. Затем, как говорится в сагах, «тут попутный ветер прекратился, начались северные ветры и туманы, и в продолжение многих суток они не знали, куда плывут»[15]. Когда небо прояснилось, в виду показалась земля, но Бьярни слышал достаточно много о Гренландии, чтобы понять, что перед ним нечто неизведанное. Повернули назад, и корабль в итоге благополучно достиг Гренландии. Бьярни и его люди никогда не ступали на американскую землю, но их рассказы вдохновили Лейва Эйриксона, того самого викинга, которому приписывают открытие Америки. В 1000 году он высадился на сушу на северо-востоке Канады.

Возвращаясь в Скандинавию, викинги ловили Гольфстрим, который считается частью североатлантического вихря. Плавать по Гольфстриму – все равно что плыть по быстрине через неторопливый океан. Это течение движется на север вдоль восточного побережья Северной и Южной Америки, а затем уходит в Атлантику, огибая Ньюфаундленд. От Британских островов оно стремится дальше на север. Его скорость составляет более 100 миль (160 км) в сутки, а ширина течения – заметная по окрасу воды – достигает приблизительно 40 миль (70 км).

Расстояния по Тихому океану были намного больше, чем по Атлантике: в самой широкой своей части, между Индонезией и Колумбией, Тихий океан простирается на 12 000 миль (20 000 км); сравните с 4000 миль (6400 км) в Атлантике. Даже Японию и Калифорнию разделяют 5500 миль (8800 км). Ранние мореплаватели полагались на северный тихоокеанский вихрь, чтобы пересекать водные просторы на двойных каноэ под парусами; подобно викингам, они не пользовались при этом никакими навигационными приборами. Отплывая с Самоа, они добрались до островов Общества в Полинезии около 1025 года, а далее потребовалось еще два или три столетия, прежде чем самоанцы открыли для себя Гавайи, остров Пасхи и Новую Зеландию.

в современном мире международное спортивное состязание.

[14] Иначе Уманаарссуаак; в англоязычных географических справочниках и картах обозначается как «Фэйрвелл».

[15] Сага о гренландцах. Перевод М. Стеблин-Каменского.

Фактически, при надлежащих условиях, вполне возможно пересечь Тихий океан, дрейфуя по океанским течениям и не прибегая к парусу, как выяснили четырнадцать японских бедолаг-моряков. Второго декабря 1832 года их деревянная рыболовная шхуна длиной около 50 футов (15 м) вышла из порта Нагоя на восточном побережье Японии и направилась в Токио. Случился сильный шторм, и судно без мачты повлекло течением – сначала Куросио, а затем северным тихоокеанским, или северным пассатным (оба эти течения принадлежат к северному тихоокеанскому вихрю).

Шхуну выбросило на берег спустя четырнадцать месяцев, в январе 1834 года, у городка Озетт в штате Вашингтон. Всего трое моряков смогли выжить, собирая дождевую воду, питаясь рыбой и отлавливая случайных птиц. Источник витамина С отсутствовал, и команда пала жертвой цинги, погубившей одиннадцать из четырнадцати рыбаков.

Преобладающие ветры облегчали путешествия в одну сторону, но затрудняли плавание в противоположном направлении. Как известно всякому бывалому моряку, корабли и лодки движутся куда быстрее, если ветер дует в корму. Сезонные погодные условия непосредственно сказываются на мореплавании. На ум сразу приходят муссоны, результат перемещения воздушных масс к океану, когда континентальная территория Евразии нагревается по мере приближения весны, и обратно через полгода. К 1000 году мореплаватели точно установили опытным путем, какие именно ветра способны перенести их из Индийского в Тихий океан или в противоположном направлении.

Как отмечал замечательный исследователь арабского морского искусства Джордж Ф. Хурани (1913–1984), «этот морской путь от Персидского залива до Кантона [Гуанчжоу] был длиннейшим из регулярных до европейской экспансии шестнадцатого столетия, и он заслуживает внимания историка, ибо является выдающимся достижением человечества». Корабли, идущие по маршруту из Персидского залива в Китай, преодолевали расстояние едва ли не вдвое больше того, которое покрыл Колумб; если же прибавить переход от иракской Басры до Софалы в Мозамбике, маршрут окажется втрое длиннее пути Колумба.

На рубеже 1000 года в Индийском и Тихом океанах наметилось оживление торговли между арабскими, индийскими, восточноафриканскими и китайскими портами, а также портами Юго-Восточной Азии. Никто из мореплавателей не отваживался ходить к востоку от Филиппин; как верили китайцы, там все океанские воды вливаются в страшный водоворот, из которого не вырваться никакому кораблю.

В этом суеверии имелась крупица истины. Индонезийский водный поток несет теплую воду из Тихого океана в Индийский; течение направлено преимущественно на юг, через Индонезийский архипелаг и далее на запад, в Индийский океан. Эти потоки сталкиваются и движутся во всех направлениях у островов Юго-Восточной Азии, вынуждая уровень океана подниматься на полтора фута (46 см) выше, чем где-либо еще на планете. Причем потоки настолько быстры и широки, что ученым пришлось придумать новую единицу измерения – свердруп, или миллион кубометров в секунду – для замера скорости течения. Направленность потоков облегчает перемещение кораблей и прочих плавсредств на юг и запад, в Индийский океан, а вот подниматься на север намного тяжелее.

Поскольку на юг плылось проще, люди на лодках достигли Австралии около 50 000 лет назад, но вот на север почти никто не плавал. Соответственно, было крайне мало последующих контактов между Австралией, Индонезией и Юго-Восточной Азией – по крайней мере, до 1300–1400-х годов. Вообще-то китайцы наткнулись на Австралию в поисках морских слизней, иначе трепангов, морских огурцов или beche-de-mer. Китайские потребители так сильно влюбились в эти морепродукты, что рыбаки сначала выловили всех трепангов в водах близ Гуанчжоу, а затем стали перемещаться на юг вдоль побережья Юго-Восточной Азии – к Вьетнаму, к Индонезии и наконец к северному побережью Австралии (на рубеже 1400 года).

В 1000 году большинство мореплавателей ориентировалось в море на глазок: они прикидывали расстояния и прокладывали курс невооруженным глазом, разве что учитывали собственные знания насчет движения солнца, луны и звезд по небосводу. Важное исключение составляли мусульманские мореплаватели, которые пользовались секстантами[16], и китайцы, которые как раз приблизительно в 1000 году стали устанавливать на корабли магнитные компасы.

Бывалые моряки из числа полинезийцев и викингов могли прокладывать курс, внимательно наблюдая за бегом волн, проплывающих мимо водорослей, полетом птиц и очертаниями берегов. Мау Пиаилуг, микронезиец, изучавший традиционную полинезийскую систему навигации, давал соответствующие уроки в 1980-х годах Стиву Томасу, тогда заядлому мореплавателю, а позднее ведущему телевизионного шоу «Этот старый дом». В ясную погоду он ориентируется по звездам, объяснял Мау, а при облачности определяет направление по форме волн.

Подобно полинезийским навигаторам, викинги не применяли никаких специальных приборов. Но почему они вообще отправлялись в странствия на рубеже 1000 года? Ключевую роль играла социальная структура общества, в частности динамичность военных отрядов: амбициозные командиры и вожди желали заполучить в свое владение новые территории. Знаменитый англосаксонский эпос «Беовульф», написанный на древнеанглийском языке, дает понять, как действовали такие группы. (Единственная сохранившаяся рукопись эпоса датируется 1000 годом, а сюжет разворачивается несколькими веками ранее.) Молодой шведский князь[17] Беовульф отправляется в Данию, на подмогу соседнему королю, правлению которого угрожает чудовище по имени Грендель. Беовульфа сопровождают два десятка молодых мужчин, которые сражаются бок о бок и вместе с вождем странствуют вдали от дома в поисках сокровищ. Сам Беовульф вознаграждает своих спутников ценными дарами – обычно серебряными наручами[18] из добычи, отнятой у врага. При этом воины в отряде Беовульфа воюют не постоянно: иногда они пируют и обретают удовольствие в дружеском общении.

Далеко не весь отряд состоял из мужчин; порой в такие группы вливались и женщины – прежде всего жена командира. Вдобавок женщины сами могли возглавлять военные отряды; обнажившая грудь Фрейдис, о которой рассказывалось выше, со временем обзавелась собственным кораблем и уплыла в Америку, как утверждает сага, сложенная ее потомками[19]. Кроме того, в отряды нередко сбивались воины из разных местностей и даже стран, говорившие на различных языках. Малые отряды насчитывали два десятка бойцов, но численность некоторых достигала 100–200 человек. Те командиры, кому удавалось привлечь еще больше воинов, становились в итоге князьями и королями.

Реальный опыт викинга Эйрика Рыжего показывает, как именно командиры увлекали бойцов прочь от дома, на поиски новых территорий. В 980 году, будучи признан виновным в убийстве в Исландии, Эйрик отправился в трехлетнее изгнание. В Норвегию, где он успел набедокурить раньше, путь ему был заказан, и он отплыл в новые земли – в данном случае в Гренландию, которую викинги открыли около 900 года. Когда три года изгнания закончились, он вернулся в Исландию, чтобы набрать товарищей и двинуться в Гренландию на двадцати пяти кораблях. Одиннадцать кораблей сбились с курса и сгинули бесследно. Зато остальные

---

[16] Собственно секстант как навигационный прибор был изобретен в 1730 году. Мусульманские мореходы, по всей вероятности, пользовались квадрантами и астролябиями.

[17] Так у автора. По тексту поэмы Беовульф – воин из древнегерманского племени гетов, которые позднее вместо со своими «создали» шведов.

[18] Наручами назывались в том числе разнообразные ручные украшения (браслеты и пр.); в русском переводе поэмы «Беовульф» в качестве наручей фигурируют то кольца, то браслеты, то ободья, но всегда подразумеваются именно украшения и знаки отличия, надеваемые на руку.

[19] В «Саге о гренландцах» говорится, что Фрейдис взяла в товарищи двух командиров других отрядов, но впоследствии велела убить их самих и их спутников, чтобы единолично владеть новыми землями.

четырнадцать благополучно достигли цели, и их команды основали Восточное поселение. Сын Эйрика, Лейв, как и прочие викинги, которые переплывали Северную Атлантику, направляясь в Канаду, тоже командовал собственным отрядом.

Давайте начнем наше глобальное путешествие с конкретной отправной точки – с контакта между Европой и Америкой до 1492 года, то есть с высадки викингов на острове Ньюфаундленд в 1000 году. Оттуда мы двинемся по всему миру, следуя маршрутам, изложенным в письменных источниках, и реконструируя иные по археологическим находкам.

В 1000 году плавания викингов замкнули, образно выражаясь, мировую петлю. Впервые товары и послания получили возможность перемещаться вокруг земного шара. Правда, нам неведомы товары, совершившие такое путешествие, но, возможно, они попросту еще не найдены. А факты неоспоримы: плавания викингов из Скандинавии в Канаду в 1000 году открыли путь из Европы в Америку, сложилась сеть глобальных торговых маршрутов. Следовательно, началась история глобализации.

Глава 2
Ступай на запад, молодой викинг

Саги рассказывают нам, что викинги совершили целых три путешествия в Америку. Первое состоялось в 1000 году, когда Лейв Эйриксон повел свой военный отряд в земли, увиденные ранее Бьярни Херьольвссоном. Тот, напомню, сбился с курса и узрел сразу три участка неведомой суши, но на берег не сходил, а потом все-таки добрался до Гренландии и присоединился к тем, кто проживал в поселении, основанном отцом Лейва Эйриком Рыжим. Выкупив корабль Бьярни приблизительно пятнадцать лет спустя, Лейв отплыл с отрядом из Гренландии, чтобы отыскать владения под свою руку.

Вместе со спутниками Лейв первоначально высадился в месте, где, как гласит «Сага о гренландцах», «все сплошь было, как каменная плита», и это место, соответственно, назвали Helluland – Страной каменных плит. Вероятно, это была Баффинова Земля, остров в проливе между северо-восточным побережьем Канады и Гренландией. Затем викинги наткнулись на «плоскую и покрытую лесом» местность, где «всюду по берегу был белый песок и берег отлого спускался к воде». Этой местности Лейв дал имя Markland, или «Лесная страна»; скорее всего, речь идет о побережье Лабрадора на северо-востоке Канады, прославленном своими ослепительно-белыми песчаными пляжами. Обе «страны» выглядели слишком холодными и бесплодными для обитания человека.

Зато третья местность смотрелась гораздо более привлекательно. С отливом корабль Лейва сел на мель, но викингам «так хотелось поскорее высадиться, что они не стали ждать, пока корабль снова окажется на воде», спрыгнули на отмель и отправились изучать окрестности. Их взорам предстали плодородные края с густой травой, а водоемы изобиловали рыбой. Викинги решили зазимовать и построили себе жилье, невысокие деревянные домишки с сукном вместо потолков, и назвали это поселение Лейвсбудир – «домишки Лейва», а местность – Винланд[20] (Vinland или Vineland). Ученые до сих пор гадают, где именно произошла эта высадка. Перезимовав в Винланде, Лейв со спутниками вернулся в Гренландию, так и не встретив аборигенов Америки.

Через несколько лет брат Лейва, Торвальд, тоже захотел побывать в Винланде. Лейв отказался плыть с братом, но отдал Торвальду свой корабль и разрешил поселиться в тех самых домах, которые ранее его люди возвели в поселении Лейвсбудир. В отличие от Лейва, Торвальду выпало повстречать коренных обитателей нового континента, и встреча с ними оказалась для него роковой. Викинги заметили три «бугорка – кожаные лодки, и под каждой лодкой три человека».

Всякий раз, когда саги упоминают о коренных народах Америки, неизменно говорится об обтянутых шкурами лодках, то есть каноэ. Берестяные каноэ известны по сей день на северо-востоке Канады и Соединенных Штатов Америки, а вот племена, обитавшие на территориях современного штата Мэн и провинции Новая Шотландия, действительно обтягивали свои суденышки лосиными шкурами.

Без малейшего повода викинги убили восьмерых туземцев – возможно, желая удостовериться, что это люди, а не какие-нибудь духи. Ведь людей железное оружие поражает, тогда как против духов оно бессильно. Девятый туземец сбежал – и вернулся с подкреплением, после чего викингов расстреляли из луков. Одна стрела угодила Торвальду в грудь, и командир отряда погиб. В «Саге об Эйрике Рыжем» уточняется, что убийцей был некий одноногий

[20] Сага объясняет, что один из спутников Лейва («южанин») случайно отыскал в американских лесах виноградную лозу и ягоды, а потому Лейв и назвал новые земли Винландом, то есть Виноградной страной.

человек – типичное диковинное существо из числа тех, что, как верили, населяют отдаленные земли. В общем, люди Торвальда вернулись в Гренландию без своего предводителя.

Третью экспедицию викингов в Винланд возглавил исландец по имени Торфинн Карлсефни, состоявший через брак в родстве с Лейвом. Памятуя о гибели Торвальда, Карлсефни и его люди имели все основания насторожиться, когда увидели поблизости «девять кожаных лодок», с которых туземцы «махали палками, трещавшими, подобно цепам, и палки вращались по движению солнца» – по часовой стрелке.

Предположив, что эти палки могут указывать на мирные намерения туземцев, Карлсефни велел выставить белый щит (знак мира), а туземцы тем временем подплыли ближе. «Они были низкорослы и некрасивы, волосы у них были грубые, глаза – большие, скулы – широкие». Первая встреча оказалась короткой. Обе стороны осмотрели друг друга и расстались.

По весне коренные обитатели Америки навестили викингов повторно, уже куда более многочисленной группой. Появилось такое «множество кожаных лодок, что казалось, будто уголь рассыпан по заливу. Также и на этот раз с каждой лодки махали палками». На сей раз обменялись дарами: за пушнину, принесенную туземцами, северяне отдали отрезы ткани из овечьей шерсти, выкрашенной в красный цвет. Туземцы польстились было на мечи и копья, но Карлсефни и его помощник Снорри категорически запретили торговать оружием.

Обменивая меха на ткань, туземцы сразу обматывали головы полосами красной шерсти; когда запасы ткани начали истощаться, «ее стали разрезать на полоски не шире пальца», но местные безропотно платили столько же, сколько за цельные куски. Чуть погодя торг был прерван громким шумом. Бык, «который был у людей Карлсефни, вдруг выскочил из леса и громко замычал». Этот звук напугал туземцев, которые попрыгали в свои лодки и уплыли на юг.

Описание обмена красной ткани на пушнину приводится в «Саге об Эйрике Рыжем», устном сказании из средневековой Исландии, названном в честь Эйрика, славного предка рода, историю которого излагает сага. Поскольку саги передавались изустно, у них было множество анонимных авторов. Данная сага сообщает, что северян в новых землях было 140 человек; летом группа в составе около 100 викингов осталась в исходном поселении Лейва (Лейвсбудир), а Карлсефни и Снорри с остальными 40 воинами двинулись дальше.

Другое повествование, «Сага о гренландцах», также не имеет конкретного автора; те же самые события перечисляются в ней в ином порядке. Бык замычал до того, как викинги и туземцы начали торг, а северяне предложили туземцам свежее молоко и молочные продукты вместо красной ткани. Эта же сага говорит, что Торфинн Карлсефни возглавлял группу из шестидесяти мужчин и пяти женщин; следовательно, численность его группы была вполовину меньше той, что называется в «Саге об Эйрике Рыжем». Еще мы узнаем, что в отрядах викингов были не только скандинавы, но и военнопленные, а также купленные рабы – как правило, с территорий нынешних Германии и Франции.

Саги сочинялись не просто для того, чтобы развлекать; они прославляли достижения предков, чьи потомки внимательно слушали эти рассказы о великих деяниях своих родов. «Сага об Эйрике Рыжем» перечисляет свершения Эйрика, его сыновей Лейва, Торвальда и Торстейна, а также его дочери Фрейдис. Все мужчины выведены героями, а вот Фрейдис показана агрессивной и вспыльчивой особой. Названная в честь скандинавской богини Фрейи, она неудержима в своих порывах. Современные читатели не могут ею не восхититься; пусть она лжет и время от времени убивает, но эта женщина выказывает удивительное мужество, «шлепая» мечом по обнаженной груди и бросая вызов индейцам. «Сага о гренландцах» переключает наше внимание на Торфинна Карлсефни и его жену Гудрид, поскольку от них вел свой род епископ Бьерн Гильссон (ум. 1162), в честь которого и сочинили эту сагу. Жена Карлсефни, Гудрид (ее имя происходит от того же корня, что и английское God – «Бог»), была столь же добродетельна, сколь своенравна была Фрейдис.

Эти две саги, вместе известные как «винландские», описывают события, случившиеся еще до христианизации населения Скандинавии, – а утверждение новой веры растянулось на многие столетия и шло с 900 годов, когда правители Дании, позднее Норвегии и Исландии, стали официально обращаться в христианство. До утверждения христианства северяне поклонялись пантеону богов во главе с Тором, могущественным божеством, что повелевал небом и громом, насылал ветер и дождь и покровительствовал урожаю. Другими важными божествами пантеона были великая богиня плодородия Фрейя (Freya или Freyja) и бог войны Один[21].

В ту пору, когда север поклонялся этим божествам, викинги уже начали осваивать территории за пределами скандинав-ского хартленда, то есть современных Норвегии, Швеции и Дании. Обитатели этих краев говорили на латыни или на древнеисландском (из которого впоследствии возникли современный исландский, норвежский, шведский и датский языки). С римских времен скандинавы пользовались особым алфавитом, угловатые знаки которого именуются рунами. В 1100-х годах некоторые перешли на латинский алфавит с несколькими дополнительными буквами, но прочие продолжали писать руническим письмом, в особенности на надгробиях, поскольку руны куда проще вырезать на камне.

Кое-кто из скандинавов отправлялся на поиск новых земель потому, что плодородных угодий не хватало: землю возделывали в Южной Дании и Швеции, где выращивали ячмень, рожь и овес, а также горох и капусту. Вследствие недостатка пахотных земель большинство скандинавов промышляли выпасом коров, разводили свиней, овец и коз. Те из них, кто жил ближе к Полярному кругу (в том числе предки современных саамов в Лапландии), ловили рыбу, пасли оленей и охотились на моржей.

Селились северяне преимущественно небольшими хуторами. Большинство мужчин женились достаточно поздно, только накопив денег, чтобы приобрести землю во владение, а до того они нанимались к более влиятельным землевладельцам. Постоянный дефицит свободной земли, отягощение малыми возможностями улучшить собственное социальное положение, побуждал некоторых северян заняться грабежами. Конечно, кто-то вовсе не ходил в набеги, другим хватало одного боевого похода – они ухитрялись награбить столько добычи, чтобы купить себе хутор. Третьи же грабили регулярно – всю свою жизнь.

[21] Любопытная авторская интерпретация иерархии отношений в скандинавском пантеоне: все-таки верховным божеством у скандинавов был не Тор, а Один (отец Тора, между прочим). Вероятно, в этой интерпретации автор следует средневековому хронисту Адаму Бременскому, который называл Тора «могущественнейшим из богов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.